

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Куколка

«Автор»

Кивинов А. В.

Куколка / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы разбитых фонарей)

Молодая, красивая девушка Женя, по прозвищу Куколка и ее подруга подрабатывают тем, что грабят подгулявших новых русских, подсыпая им клофелин. Одно из таких приключений, когда в руках Куколки оказывается кассета с компроматом на известного политика, влечет за собой целую цепь кровавых убийств. Страшный и грязный клубок преступлений распутывают сотрудники `убойного отдела` одного из питерских районных отделений милиции.

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Кивинов

Куколка

ПРОЛОГ

1976 год

– Мужик, двадцать копеек дай! Выручи. Помираем – трубы горят.
– Не помрете, отцы святые. На вас дрова возить можно.
– Тьфу, е... – Женька проводил туманным взглядом жадного прохожего, облизал сухие губы и повернулся к приятелю. – Ну и видуха у тебя, Серый. Здрасьте, я ваша тетя.
– У тебя не лучше. Советская власть плюс электрификация всей страны. Героически посидели. Редкостный кайф.

– По поводу чего пили-то, помнишь?
– Извини, вспоминать больно. Попозже чуток спроси.
– Все, на хер, последний раз. Иначе не дотянем до коммунизма.

Женька кряхтя опустился на бетонный поребрик тротуара и трясущимися пальцами потер виски. Повод, повод. Слабое утешение сегодняшнему отходу. Хлестали без всякого повода. Появилась денюга, ну и... Ваше здоровье, товарищ.

Он пошарил по карманам заношенного клетчатого пиджака и достал надломленную “Приму” без фильтра. Доломав сигарету, прикурил. Серега уселся рядом.

– Зря бормотуху с водярой мешали.

Женька не ответил. Серый после каждого “штопора” плакался про смешение напитков надеясь, что его поймут и посочувствуют. “Конечно, конечно, старичок, “ершик” – штука такая...”

Глушить начали с утра, дома у Сереги. Он толкнул у магазина том Дюма – хватило на пару пузырей “Молдавского розового”. Потом Женька пошарил по закромам и отыскал на антресолях клад – военные зимние ботинки, вполне пригодные к эксплуатации. Ботинки потянули на две “Пшеничных” и банку рыбного паштета.

Продолжили на природе – в садике средней школы. Школьники на каникулах, садик-райский уголок. Кто-то все ж помешал и в “раю”. Утром Женька заметил опухоль на костяшке указательного пальца.

– Серый, с кем это я?

– Валька с тридцатого дома подкатил. У него сушняк домашний был. В канистре. Ничего штучка.

– И за что я его? – Да он сам, козлина – на рожон полез. Кажется. А может, ты. Да ладно, вы после помирились.

Женька выбросил окурок и лег на газон, примыкающий к тротуару.

– У тебя точно нет? Хоть на пиво? Серый еще раз вывернул карманы. – Голяк, как в гастрономе после ревизии.

– Может, у Вальки есть? Сползай.

– Вальку супруга за волосы вечером из садика уволокла. Пролетаем.

– Сдохнем же, у меня уже пульса нет.

– Блевани, полегчает.

– Нечем. Паштет не залежался. Попробуй еще стрельнуть. Бог не фраер, дадут. Хоть копеек сорок.

Сергея поднялся с поребрика и побрел клянчить мелочь. Прохожие, заметив его качающуюся фигуру, отворачивали глаза и ускоряли шаг. Добровольный взнос в фонд спившегося строителя светлого будущего – не самая заманчивая перспектива. Нажмутся как сволочи, а утром клячат на опохмелку. Будто им насильно водку вливали. Почему таких не свозят на необитаемый остров и не оставляют навечно? Прохода нет от пьяни.

Сергея вернулся через десять минут, сжимая в тощей ладони гривенник.

– Копейки до “маленькой” не хватает. Пошли, Зинка нальет.

– Зинку выгнали позавчера. БХСС пиво проверил. Пятьдесят процентов воды. А новую бабу я не знаю.

– Уговорим, пошли. Не человек, что ли? Женька, не вставая с газона, достал из нагрудного кармана маленькое зеркальце с отколотым уголком. Жуть. Лицо опухло, как будто он только что подвергся нападению целого роя пчел. В левом глазу лопнули сосуды, и глаз превратился в вишню.

Женьке было тридцать пять, но выглядел он на полтинник. Врач-сосед сказал, что если он будет продолжать пить такими же темпами, то до сороковника не дотянет. Каждый раз, просыпаясь после возлияния,

Женька обещал себе, что это все, в последний раз, что ни в жись, ни капли. Однако если капля падала в рюмку, Женька забывал все клятвы и летел в пропасть.

Он жил в однокомнатной квартире вместе с матерью-пенсионеркой. Мать давно махнула на Женьку рукой, все слова о “взятии за ум” расшибались о непробиваемую стену. Единственной реакцией на Женькины запои были теперь слезы по ночам. Неделю назад, когда Женька распустил руки и ударил мать, она собрала еще не пропитые сыном вещи и уехала к сестре в деревню. “Чтоб ты сдох, скотина...”

Женькин отец умер еще лет пять назад от цирроза.

– Слышь, пионер, – окликнул Сергей проезжавшего велосипедиста, – помоги гегемону, дай копеек десять. Я директора школы знаю. Отличником будешь.

– Брежнев пускай подает, – насмешливо бросил пацан, зная, что еле стоявший на ногах дядька не догонит его “Орленок”.

– Вот сучонок... Жека, айда на скамейку. Я вчера в траву пузырь пустой спрятал. Сдадим. Как раз на пиво. А то светимся тут – меня участковый в ЛТП упечь хочет, ментяра плюшевый. Давай, поднимайся, брат. Что делают, гады, что делают. Спойли страну...

Женька спрятал зеркальце, со второго захода поднялся и, не отряхивая с пиджака прилипшие комки земли и траву, двинул следом за приятелем.

Бутылка под скамейкой их не дождалась. Сергей, высказав по этому поводу пару широко распространенных фраз, плюхнулся на скамью, глубоко переживая горе.

Женька, как менее эмоциональный и как более нуждающийся в лекарстве пьяница, продвинул Серeginу идею несколько дальше:

– Вон помойка. Битком. Пошли пошарим. Есть богатей – не сдают посуду. Зуб даю, найдем. Хоть из-под кефира.

Сергей восторженно ожив, отломал от скамейки кусок деревянной рейки и покотил к цели. Женька решил искать стеклотару без помощи орудий труда.

Встав по обе стороны квадратного бачка, приятели занялись спасительным делом. От каждого по способности, каждому по труду. Пр-р-ра-льно.

Огромная горбатая крыса, потревоженная неожиданным визитом рабочего класса, выпрыгнула из помойки и умчалась в кусты.

– Тьфу, падаль, – Сергей по инерции запустил рейкой вдогонку грызуну, – напугала, зараза.

Пришлось идти за новым оружием труда. Не руками же... “Ах, наши руки, руки трудовые, руками золотыми назовут”.

Женька уже выкинул часть мусора на асфальт, потроша недра помойки. На освободившееся место стал перекладывать отходы с Серегиной половины.

– Погодь, я помогу. – Серега сунул было палку в бачок, но притормозил, заметив, как резко выдернул руки Женька.

– Что?! Опять крыса?

Женька сглотнул и кивнул вниз.

– Кто-то куклу выкинул. Как живая. Серега перегнулся через свой край:

– В чем это она? В кровище, что ли? Женька тряхнул головой. Покрасневший глаз нестерпимо щипало, он слезился, отчего зрение потеряло остроту, и окружающий мир теперь воспринимался через сиреневую дымку. Вдобавок похмельный синдром давил на мозг, переворачивая все с ног на голову. “Пьянству – бой!”

Он протянул руку вниз и дотронулся до “куклы”. Затем поднял пальцы к глазам.

– Ну, ни хера ж себе! Точно кровяга. Свежая. Он вновь посмотрел на находку и вздрогнул.

– Се... Серый... Она... е... она шевелится...

– Ты че, гербанутый? Или допился?

Женька осторожно взял грязный пакет, из которого торчали две “кукольные” ножки, и перевернул его над мусором.

Через секунду похмельный синдром улетучился из башки без всяких лекарств.

Среди картофельных очисток, среди грязного тряпья и консервных банок, подогнув голову к крошечным ножкам, лежал новорожденный младенец. Неумело оторванная пуповина напоминала перерубленную лопатой змею, пушок же на затылке намок от вылитого в помойку скисшего молока, а на спинке явственно проступал след от крысиных зубов.

Женька перевел глаза на Серегу, затем обернулся назад. Рядом со стендом, прославляющим местных ударников коммунистического труда и передовиков производства, наклонившись, как Пизанская башня, стояла телефонная будка без стекол. “Слава народу-победителю!”

Не сказав Сереге ни слова, Женька кинулся к телефону. Ребенок был еще жив.

Глава 1

1995 год, ноябрь

В шесть вечера, согласно расписанию, трехпалубный лайнер “Куин Вйктори”, совершающий круиз по маршруту Неаполь – Хайфа, отбыл из Лимасола, крупнейшего порта Кипра. Несмотря на позднюю осень, температура в этой части света достигала тридцати градусов, что делало притягательным отдых на Средиземноморье для деловой Публики из северных стран, не успевшей оттянуться у себя на родине в летнее время.

Немцы, шведы, англичане, русские, финны столпились возле фальшборта, фотографируя и снимая на камеры перспективу кипрского порта. Завтра в шесть утра судно придет в последнюю точку круиза, в Хайфу, где простоят пару суток, пока пассажиры не насладятся красотами земли обетованной, не поднимутся в Иерусалим и не посетят административную столицу Израиля Тель-Авив.

Круиз был дорогостоящим, оценивался по высшей категории, не каждый состоятельный иностранец мог выкинуть на прогулку по морю указанную в путевке сумму, не говоря уже о русских, чьи затраты на загранпоездки обычно не превышали пятисот баксов, скопленных за год и отданных турфирме со страшным скрипом. Это не касалось, разумеется, “новых , русских” – коммерческой или криминальной публики, позволяющей себе в принципе все, что угодно. О престиже “Королевы Виктории” говорил, к примеру, тот факт, что члены команды, начиная от официанта и кончая капитаном, могли общаться как минимум на трех языках, а программа варьете менялась каждый день, как и белье в каютах.

Когда берег Лимасола исчез за горизонтом, пассажиры расползлись по теплоходу в поисках развлечений, руководствуясь желанием весело потратить два часа, оставшиеся до ужина. Развлечений имелось предостаточно: бассейн, музыкальный салон, казино, россыпь кабачков.

Стюарды в бордовых костюмах и бабочках с окаменевшими улыбками сновали по палубам в поисках щедро оплачиваемых чаевыми услуг. Любая прихоть пассажира выполнялась без промедления и с преданностью в глазах. Все физические нагрузки клиента сводились к извлечению бумажника из кармана или сумочки и протягиванию навстречу подставленной руке купюры или монетки. В ходу было все, кроме денежных знаков стран бывшего социалистического лагеря.

Молодой стюард, смуглолицый араб с маленькими усиками, постучался в каюту первого класса и замер на пороге, держа на согнутой руке поднос с пачкой сигарет и двумя рюмками водки.

Из-за двери не послышалось привычного “е” – ее приоткрыл крепкий парень в таком же, как у стюарда, бордовом пиджаке, сунул в карман арабу свернутую купюру, взял поднос и хлопнул дверью.

Араб в недоумении вытащил деньги, горестно вздохнул, видя, что их хватает только на оплату водки и сигарет, и в надежде, что сейчас несправедливость будет исправлена и он получит за труды, остался переминаясь на пороге, покашливая и кряхтя. Дверь действительно тут же открылась.

– Чего тебе? – по-русски спросил забравший поднос парень.

Стюард улыбнулся, обнажив ряд белоснежных зубов:

– Сорри...

Русский ухмыльнулся, запустил руку в пиджак и достал еще одну купюру.

– Держи, халдей. И пошел на хер отсюда. Халдей хоть и не был полиглотом, но некоторые русские слова уже понимал. Услышанное выражение относилось к светскому языку и означало “просьбу не беспокоить”. Он слегка поклонился и пружинисто направился к трапу на верхнюю

палубу, на ходу рассматривая деньги. Через секунду он выругался и, скомкав десяти тысячную российскую бумажку, выкинул ее за борт.

Довольный своей шуткой пассажир повернул защелку двери и, пройдя через просторную каюту, уселся в кресле у иллюминатора. Помимо него в каюте присутствовали еще двое.

Старшему было около сорока пяти, легкая футболка обтягивала немного располневшее тело. Шорты и тапочки дополняли чисто туристский гардероб. Он развалился во втором кресле, сложив руки на вздутом брюшке и покручивая большими пальцами.

Второй был помладше, лет на десять, и одет более респектабельно – светлая рубашка и бежевые брюки. Тонкая цепочка блестела на загорелой массивной шее. Комплекцией же он мало отличался от спутнику жировые складки указывали на малоподвижный образ жизни и пренебрежение советами борцов за долголетие.

Мужчина в футболке был хозяином каюты, любой зашедший мог определить это без особого труда. Он распечатал пачку принесенных стюардом сигарет, бросил красненький ободок в пепельницу и прикурил. Затем обернулся к парню в пиджаке.

– Вадик, сходи искупайся или в казино отдохни. Парень кивнул и, не говоря ни слова, вышел из каюты. Человек с цепочкой пододвинул свое кресло к столику:

– Скажи ты своему попугаю, чтоб снял этот идиотский бордовый пиджак. Его путают с обслугой. Зачем ты его вообще взял с собой? Меня тошнит от его тупых шуточек и пьяных выкидонов. Неужели нельзя хоть здесь обойтись без охраны? Расходы только.

– Без охраны сейчас нигде нельзя обойтись, а спокойствие стоит денег. Ну а Вадик... Пускай мир посмотрит, поклонится Гробу Господню. Быкам тоже полезно иногда... – Вчера я чуть рожу ему не набил. Надрался и певичку из варьете завалил прямо в зале. Офонарел. Это ж не питерские кабаки с блядьми. Ты б урезонил его. Мудила, раз на пароходе работы нет, можно борзеть. Пусть вон книжки читает, может, поумнеет. – Боюсь, Вадик не умеет читать. Да ладно, черт с ним. Скажу. Ты дозвонился? Спикера застал?

– Да. Есть новости. Спикер подсуетился

– Так. – Старший пригубил водку.

– Он узнал, где Шериф хранит это. Вчера узнал.

– Ну и чем это оказалось?

– Обычная видеокассета. С надписью “Ну, погоди!”.

– “Ну, погоди”? Это что, стеб? Хотя Шериф любит дешевые фокусы. Пацан. Ему б с балаганом на улицах выступать, в самый раз. Что на кассете?

– Спикер не стал говорить по телефону, не сумасшедший. Сказал, что информация там действительно крайне опасная.

– Вот как? – Секундная тень пробежала по лицу старшего. Он допил водку. – Пей, Сережа. Второй тоже опрокинул рюмку и закурил.

– И где эта кассета? Ты спросил?

– У Шерифа дома. В ряду обычных кассет. Он обожает старые фильмы, у него небольшая коллекция. Самое надежное место. Детские мультфильмы вряд ли кто смотреть будет.

– Вот она, Сережа, благодарность. Из какого дерьма я его вытащил, а он...

– Я сразу предупреждал, Шура, что у Шерифа клинит, говорят, у него клинило еще до посадки. Нефиг было это мурло подтягивать. Все бы тебе подешевле. Вот и суепись теперь.

– А, брось переживать из-за какой-то кассеты. Шериф не тот клоп, что укусит. Соплей перешибу. Подстраховался, значит... Кино посмотрелся. Как Спикер узнал про кассету?

– Без понятия. Не интересовался. Догадываюсь примерно. Сама ведь кассета ничего не стоит. Стоит информация на ней. Если с Шерифом что-нибудь случится, она ведь так и останется стоять на полке. Стало быть, кто-то должен быть посвящен в ее секрет. Один-два человека. Ну а что знают двое... Спикер – мужик с башкой, без задницы в масло влезет.

– Мне важно, чтоб с кассеты не сняли копию и чтоб никто, кроме меня, тебя и Спикера, про нее не прочухал. Не знаю, что там Шериф на нее записал, но в таких вариантах утечка информации совершенно ни к чему. Тем более сейчас. Да и потом. От журналистов прохода нет. Каждый шаг пасут. Почему их никто не может поставить на место? Правителей ставим, а какие-то писаки продолжают разоряться! На серьезный разговор приходится ехать в этих шортах среди мудил иностранцев, самому изображая мудилу. Когда год назад кто-то заснял мою встречу с французами, газеты не успокаивались неделю. Надо же, Александр Зелинский встречается с “правыми” на своей даче! Тут явно коричневые оттенки! Бляди газетные. Попробуй ответить, что это была чисто коммерческая “стрелка”. Шагу не ступи, еб их...

Зелинский вдавил окурок в полированную спинку кровати, хотя рядом стояла пустая пепельница.

– Представляю, что начнется, когда я сяду в депутатское кресло. Они за мной в сортир будут бегать.

– Вопрос с депутатством решен?

– Давным-давно. – У Зелинского явно испортилось настроение. – Поэтому чем быстрее уладим вопрос с Шерифом и его дурацкой кассетой, тем лучше.

– Я завтра же позвоню Спикеру, предупрежу, чтоб не трепал, хотя, наверно, он и сам допетрит. А с Шерифом ума не приложу, что делать. В натуре, утомил, бычара. Мало того что из запоев не вылазит, так еще и на иглу сел. Баб таскает без разбору, прямо с улицы, до “гоп-стопов” опустился, баклан, без ума, совсем на нулях. Не сегодня-завтра влетит в ментуру и начнет языком махать... Натурально.

Зелинский резко прервал это речеизлияние:

– Передай Спикеру, пускай принимает меры. Он поймет. И по-тихому. Чтоб органы не шибко нос совали. Лучше авария, либо пьяная драка.

– Хорошо. Но кассету придется брать ему лично. Стало быть, и...

– Я оплачу неудобства, пусть не дрейфит. Еще по стошечке?

– Позже, Шура. Скоро варьете, там и дернем.

– Как хочешь.

Зелинский откинулся на кресле, вытянул ноги и закатил глаза. Крайне неприятно отвлекаться на такие вот проблемы. Будто других мало. В пафосе гид произнес старую греческую мудрость: “Если загниет одна виноградина, загниет и вся гроздь, загниет гроздь – загниет лоза. Чтоб не загнила, надо сорвать гнилую ягоду”.

Да, сорвать. Тогда соберешь урожай и наполнишь бочки вином.

Шериф, конечно, сука. Хотя и профессионал, хотя и недорогой. Еще одна старая мудрость – ничто не стоит так дорого, как дешевизна... Задумал, паскудник, потягаться. Шестерка сраная... Вот уж воистину ищи врага в собственном доме. Ничего, голубочек, отлетался.

Зелинский не рисовался, говоря о решенном вопросе с депутатством. При этом он не собирався выкрикивать на митингах бестолковые рекламные лозунги, кормить толпу бесплатным борщом и уж тем более выходить на улицу с толпой полоумных старушек, размахивающих красными тряпками и поющих “Варшавянку”.

Вопросы власти во все времена решались абсолютно одинаково. Через деньги. Это придумано не Зелинским, это диалектический материализм, открытый вовсе не теоретиками научного коммунизма, а много раньше. Деньги откроют двери в любой кабинет. Бывают исключения, но они редки и поэтому подтверждают правило. На то и исключения. А в основе... Можно до хрипоты и рвоты звать в поход за собой, обещая земной рай, но в конечном итоге остаться в рваных носках с горсткой сочувствующих голодранцев, а можно, не говоря ни слова, расчистить завалы и обеспечить спокойный путь наверх.

Правда, иногда следует и покричать. Немного. Ради приличия. Для фона. И не важно что. Главное – не стесняться в выражениях, не признавать догм и авторитетов, обещать много,

быстро и дешево. Впрочем, лозунги и речи сочиняют люди, которым тоже платят. Больше заплатишь – талантливее речь.

Зелинский не страдал философскими отклонениями, он давно вывел формулу своего “диалектического материализма”. Сила дает деньги, деньги дают власть, власть дает деньги и силу. Эта нехитрая формула верна на любом уровне, в любой стране, в любом обществе. В лагерной глуши, где он провел одиннадцать лет, и в высших эшелонах, куда скоро попадет. Все остальное – пустые слова и утопия.

Эту же формулу призвана была подтвердить предстоящая встреча, на которую он ехал под видом беззаботного туриста. Такой малоскоростной путь был выбран не случайно. Полностью исключалась возможность какой-либо официальной или неофициальной слежки. Под официальной подразумевались все те же представители средств массовой информации и органов, а под неофициальной... Ну, мало ли... Поиметь “бяку” на конкурента накануне выборов весьма неплохо. Будет с чем пойти на дебаты.

В Тель-Авиве его ждал один из лидеров так называемого движения “За дело!”, чьи именитые представители занимали ряд ведущих хозяйственных и иных постов в нынешней администрации. Движение состояло в резкой конфронтации с партией диалектических реформ, в которую входил Зелинский. Ни о каких открытых встречах и переговорах между лидерами не могло быть и речи. В прямом эфире они от души обливали друг друга грязью, что, впрочем, не помешало наладить негласные контакты и взаимовыгодное сотрудничество.

Вопрос, который предстояло решить за шесть часов в одной из гостиниц израильской столицы, был достаточно серьезен, поэтому были предприняты все возможные меры, чтобы обеспечить полную конфиденциальность. Это входило в условия, выдвигаемые одной из сторон, которые вторая сторона могла принять – или не принять. Что-то типа популярной у бандитов “стрелки”.

Зелинский вез требование, а вернее, просьбу оказать ряду фирм услуги в получении лицензий на операции с сырьем – нефтью, металлами, лесом, – взамен обещая “задельщикам” пополнить закрома их движения самым надежным источником энергии – бабками. Чтоб двигалось лучше.

Расчет был верен. Перед выборами любая партия нуждается в дополнительных средствах, это во-первых, а во-вторых, партийная казна – штука весьма аморфная. На что идут взносы, пожертвования и вливания, одному Богу известно, а Бог, к счастью, с трибун не выступает, в органы не стучит и уголовных дел о растрате и присвоении не возбуждает. Деньги же обладают тем прекрасным свойством, что их никогда не бывает много, и более мелодично они звенят в личном кармане, а не в общественном.

Небольшое облегчение кошелька партии диалектических реформ в случае удачи на переговорах в Тель-Авиве гарантировало ей резкое увеличение доходов в ближайшие полгода, то есть примерно к началу президентской гонки. Гарантировало потому, что та же нефть – это не спекуляция турецким ширпотребом или тайваньской техникой.

Это не надо объяснять никому. Это ясно даже быку Вадику, хватающему сейчас девок за ляжки в музыкальном салоне. Сергею непонятно, зачем Зелинский взял этого бордового олуха. Никто не хочет просчитывать шаги. Страха нет. Забыли. Про мозги вспоминают, когда часть их вылетает вместе с порцией картечи... А у Зелинского страх есть, потому-то он и выжил в чехарде бандитско-финансовых будней. Поэтому-то он и не везет сейчас с собой навороченных секьюрити, дружащих не только с телом, но и с головой. А у Вадика в голове одни бабы да выпивка, и совать свой переломанный нос во все дыры он не будет. И если спросят, как там Зелинский отдыхал, так и ответит: “В кайф!” А безопасность? Так это не питерские подворотни. Хватит одного Вадика. Тут народец человеколюбивый.

Зелинский поднялся с кресла и включил небольшой кондиционер. Морской воздух устремился в каюту, выгоняя табачный дым.

В дверь жалобно стукнулись. Сергей, взглянув на Зелинского и получив одобрительный кивок, отозвался:

– Ее.

В каюту заглянула личность мужского пола, опирающаяся на костыль, облаченная в дырявый свитер и грязные холщовые брюки с бахромой. Вытянув вперед тощую страусиную шею, личность крутанула зрачками, удовлетворенно крикнула и, выворачивая вперед пятку правой ноги, шагнула через порог. Услужливо поклонившись и кося глазом на зажатую в руке мятую бумажку, “мужской пол”, запинаясь, прошуршал:

– Экскьюз ми, джентельмен, зэт яй аск ю. Ай уэнт ту Израэл фор оперэйшн, бат олл май докьюментс энд мани фэлл ту зе си. Ай хэв севен чилдрен, энд олл оф зем а элоун. Хелп ми, плиз, ин эври хард каренси. (Извините, господа, что обращаюсь к вам. Я ехал в Израиль на операцию, но обронил в море документы и деньги. У меня семь детей, и все сироты. Помогите, пожалуйста, в любой конвертируемой валюте (искаж.англ.).

Личность вывернула пятку в более естественное положение и протянула к присутствующим руку, поочередно метая взгляд то на Сергея, то на Зелинского.

– Сережа, что ему надо? Кто это? – Александр Михайлович обалдело сдвинул складки на лбу.

– А – Сергей равнодушно махнул рукой, – молдаване. Сезонные нищие. На заработках. Денег просит.

Услышав знакомую речь, гость окончательно выровнял пятку и опустил руку.

– Костыль смажь – скрипит. – Сергей указал несостоявшемуся пациенту хирурга на дверь. – Сейчас полетишь за борт искать документы. На костыле до Хайфы поплывешь. Хотя бы текст выучил, инвалид. Державу позоришь.

Инвалид сморщился, матюгнулся и исчез, переложив на ходу костыль в другую руку. Через секунду в двери соседней каюты, где путешествовали консервативные англичане, раздался тот же жалобный стук.

– Кто их сюда пустил? – искренне удивился Александр Михайлович. – Ни черта себе, пятизвездочный круиз – и такая публика.

– Ой, да подумаешь. Отмаксали капитану и ползают по каютам. А иностранцы как дети – на эти костыли и дырки легко клюют, отсыплют денег да еще слезу пустят. Блаженные...

Сергей поднялся со стула.

– Я загляну к себе. Встретимся на варьете. Я займу столик у сцены.

Сергей вышел. Зелинский выглянул в иллюминатор. Бесконечность и спокойствие, под которыми прячется небывалая мощь, и в любую минуту она, потревоженная необъяснимым явлением, может смести все преграды на своем пути – закрутит и подбросит, разобьет и проглотит. Превратит в песок. Если потревожишь. А пока – спокойствие и бесконечность.

Зелинский мог по несколько часов не отрываясь смотреть на море. Своеобразный отдых для души, полная отрешенность, гипноз. Но в настоящую минуту ему никак не удавалось расслабиться.

Мысль о кассете Шерифа раздражала и выводила из равновесия. Как капелька соленой воды на сверкающей поверхности иллюминатора, мешающая обзору перспективы. Вместо того чтобы спокойно настроиться на завтрашний день, приходится отвлекаться на пустые переживания. Пустые? Поганец Шериф... Придушил бы...

И хотя Зелинский пытался успокоить себя, полагаясь на хитрого Спикера, беспокойство не проходило. В их мире можно полагаться только на себя. Здесь действует одно правило: в трудную минуту никогда не поворачивайся к другу спиной, иначе получишь от друга между лопаток по рукоять... Плюс случайности и проколы, от которых никто не застрахован.

А впрочем, к черту! Шериф не тот субъект, на которого стоит тратить нервы. Были передряги и посерьезнее. Просто у Александра Михайловича чуть-чуть испортилось настроение. Без причин. Поднимем.

Зелинский взял со столика пачку сигарет, ключи и вышел из каюты, сильно хлопнув дверью.

Капелька на стекле иллюминатора тонкой ниточкой-слезой поползла вниз...

Глава 2

Обувная коробка, приспособленная под домашнюю аптечку, была завалена нужными и ненужными лекарствами, поэтому быстро отыскать требуемую упаковку долго не удавалось. Женька еще раз переложила скляночки и пакетики с места на место.

– Там, в черной баночке, без надписи. С красной крышкой.

– Все, нашла. Ты лежи, я сейчас. Женька вернулась к кровати, положив на тумбочку клочок ваты.

– Вот ублюдки...

– Женька, кто такие ублюдки? – подняла кудрявую головку маленькая девочка, сидевшая прямо на полу.

– Никто. Не мешай, видишь, мама заболела.

– Мама заболела, – шепотом повторила девочка валявшейся рядом кукле и погрозила пальчиком.

Женька намотала на спичку вату, обмакнула в йод и аккуратно стала прикладывать к глубоким ссадинам на лице подруги.

– Потерпи, потерпи. Рожать небось было больнее. Боюсь, тут само не срастется. Надо зашивать. Давай вызову “скорую”.

– Срастется. Стяни посильнее и пластырем залепи. Попробуй.

– Все равно к врачу надо. Лицо ведь, не задница. Давай позвоню, Олюнь.

Ольга чуть заметно покачала головой.

– После. На мне как на кошке. Заживет. Женька отрезала пластырь и наложила его на рану.

– Чем это они, Оль?

– Ножом.

– Скоты. Разорвала бы. Тебе очень больно?

– По животу били, идиоты. Вот тут, слева, не про ходит.

Ольга подняла голову и сделала несколько глотков.

– Я не знаю, что делать, Жека. Этот урод не успокоится. Теперь он еще и адрес знает. Не везет нам, подружка.

– Он что, прийти может?

– Он придет. Через неделю. И убьет, если я не верну деньги.

– Он пугает, Оль. Ничего не сделает. Ольга чуть заметно покачала головой:

– Убьет, подружка. И меня и Катюку. Легко. По последнему слову Женька поняла, что Ольга действительно ожидает самого страшного.

– Может, переждем где?

– Где? Не смейся. Куда я такая денусь? Да и как ни бегай, все равно достанет.

– Сколько надо денег?

– ~ Тонну баксов. Мол, счетчик натикал. Не повезло.

Женька вздохнула.

– ~ Зря ты, Оль, с этим делом связалась...

– Только не учи жить, – зло вполголоса ответила Ольга. – На что мне Катюку кормить? Как ты, за двести тонн в ларьке сидеть? Спасибо. На жарчку и то не заработаешь.

Женька, промолчав, положила ладонь на лоб подруги.

– Ты не волнуйся, Олюнь. С деньгами придумаем что-нибудь. Я займу на работе.

– Ага, держи кармашек... Сейчас каждый за себя. Ольга повернула голову и посмотрела на дочь. Девочка ворковала что-то себе под нос, изображая доктора, лечащего куклу. Дети играют во взрослых, дети хотят быть взрослыми. Зачем?

– Подними ее с пола. Сквозняк. Женька взяла Катю под мышку и перенесла на диван. – Здесь играй.

– Куколка, я хочу на полу.

– Не называй меня Куколкой.

– А мама зовет.

– Маме можно, она взрослая. Женька вновь под села к Ольге.

– Где ты на него наравалась?

– Случайно, в центре. Говорю ж, не повезло. И узнал ведь, гадина. Я его уже забыла, а он вспомнил. Странно. Обычно не вспоминают. А этот... Прямо с улицы затащил в своего “кабана” (“Кабан” – “Мерседес” (сленг)). Там еще двое. Тоже черные. Рожи – мама, не горюй. Отвезли в тихое местечко. Я думала, все, прощай, подружка, дождалась. Они вот покуражились, потом пропустили по разу. Суки черные. Вакиль, этот, которого я в гостинице опустила, паспорт нашел с пропиской. Поэтому и не замочили меня там же, на пустыре. Сказали неделя мне сроку, деньги не верну – отдам квартиру. Если сбегу, меня и дочку разорвут. А для памяти вот – ножом по щекам. Паспорт себе оставили.

Ольга снова беззвучно заплакала. Женька взяла стакан и пошла на кухню за водой. Почему она не отговорила Ольгу идти тогда “на работу”? “Работой” Ольга называла свой промысел. Хотя попробуй угадай, где найдешь, где потеряешь. Поэтому и не отговорила. Да и не послушалась бы Ольга. Ее голос в их паре был последним. И возраст, и характер, и положение. Ольга имеет хоть эту маленькую однокомнатную конуру. А Женька? Ничего. Кроме липовой прописки в рабочей общаге. Да и то только в паспорте. А по существу – пшик и свежий воздух. И пожалуйста, доигрались. Что там за крутизна? Что у этих черных на уме? Попугали, трахнули и выкинули? По телику говорят, что квартиру можно продать за двадцать минут. Даже если ничего не схвачено. Придут, отвезут, заставят расписаться и будь здоров. А то и без росписи. И никто не вступится. И никому не пожалуешься. А попробуешь пожаловаться – пропадешь без вести. Да, влипли...

Чайник был пуст, Женька набрала воды и включила плиту. Затем достала из стола пачку “Эл-Эм” и прикурила.

В восемьдесят втором их первый раз повели в зоопарк. И купили каждой мороженое в вафельном стаканчике. Они были похожи на других детей, тех, что пришли с родителями. Это мороженое, эти посыпанные песочком дорожки, воздушные шарики и цветастые “раскидайки” на резинках. Толпы прохожих. Детское сознание запоминает либо очень хорошее, либо очень плохое. Среднее пропадает, а это остается. Иногда на всю жизнь.

Женька помнила тот день, как вчерашний. Она чувствовала на языке холод пломбира и сладость вафельного стаканчика, слышала его приятный хруст. Она видела Лидию Михайловну, совсем еще молодую. В зеленом драповом пальто и вязаной шапочке. С засохшим листиком в руке. Женьке было очень хорошо. Может, так хорошо, как никогда не было после.

Ольга была в старшей группе. Им тоже купили мороженое, а самым послушным – “раскидайчики”. Они, задрав носы, подбрасывали их и отбивали ладошками. Женька очень завидовала им и никак не могла понять, почему Лидия Михайловна не купит ей такой же волшебный шарик на резинке. Ведь она самая послушная в группе.

Возле клеток с обезьянами они с Олей стояли вместе. Оля кидала в клетку кусочки пломбира и не разговаривала с Женькой. Старшие не должны болтать с малышней. Старшие должны болтать только со своими.

Подошедший пацан больно толкнул Женьку в бок: “Подвинься, малявка приютская”. Пацан был упитан и хорошо одет. И в руках он держал не простой пломбир, а шоколадный да еще с орешками.

Женька не заплакала, хотя ей очень хотелось. Они никогда не плакали, когда их дразнили или обижали. Они давали сдачи. Этот пацан испортил ее день. Ее счастливый день.

Женька ударила пацана по щеке. Пацан ойкнул и выронил мороженое на песок, а потом, сорвав с Женькиной головы шапку, вцепился ей в короткие волосы. “Ты, дура детдомовская! Ты, ты...”

Договорить он не успел. Старшая Ольга, сбив с его головы пеструю кепку, запустила пальцы в кудрявую шевелюру и рванула в сторону. Пацан отпустил Женьку, завизжал и замахал руками. Прибежали родители, прибежала Лидия Михайловна...

Вечером Женька с Ольгой, несмотря на разный возраст, стояли в одном углу и шепотом болтали. А потом целую неделю им не давали конфет после ужина...

Сигарета обожгла пальцы, и Женька выкинула окурок в форточку.

Ольга никогда никого не боялась. Она могла вцепиться в волосы любому, даже очень сильному. И она всегда поступала по-своему. Год назад она предложила попробовать “работу”. Женька испугалась и отказалась. Тогда Ольга пошла одна, велев Женьке сидеть с Катькой.

Вернулась под утро. Принесла пару золотых колец, плеер, несколько кассет и немного денег. Плеер и кольца Женька продала с рук. Они не распределяли роли. Женька чувствовала себя обязанной Ольге и без лишних слов взяла эту часть работы на себя. А когда устроилась в ларек, проблема сбыта отпала совсем.

Ольга “работала” только по мере необходимости, если прижимало с деньгами. Очень прижимало. Двухсот тысяч, да и то нерегулярных, тех что приносила Женька, действительно не хватало даже на жаренку. Того черного в гостинице Ольга, опустила, когда у Катьки приключился сумасшедший приступ астмы. Нужны были деньги на уколы. Вернее, на лекарства. Ольга пошла на “работу”.

Вышло удачно. Взяла пятьсот баксов. Женьке даже ничего не пришлось продавать. Они жили на эти деньги полгода. И вот оно. Нарвалась. Бедная Ольга. Чайник закипел. Женька заварила чай, налила в стакан и отнесла в комнату. Ольга не плакала. Просто лежала, как мраморная статуя. Слезы оставили мутные следы на щеках. Иногда она вздрагивала и дотрагивалась руками до живота.

Женька поставила стакан на тумбочку и снова Села на кровать. Ольга была красива. Даже сейчас с этими ужасными окровавленными шрамами. Густые черные волосы, связанные обычно в пучок, рассыпались дождем по подушке. Женька тайно мечтала о таких волосах. Сама она всю жизнь носила короткую, мальчишескую прическу, длинные волосы не шли ей. Хотя у женщины должны быть только длинные волосы. Это ведь закон природы. Женька тоже была красива. Стройная фигура, светлые волосы и голубые глаза делали ее привлекательной – мало какой мужчина не заглядывался на нее. Она чувствовала это, когда ловила взгляды прохожих, пассажиров в метро и трамваях, слышала пошлые остроты молодых бездельников. Ее нынешний шеф даже не смотрел в анкету и не спрашивал паспорт, когда знакомая привела ее устраивать в ларек. “Такой красивый девочка, конечно, конечно...”

Красивый, красивый, а платит – как украл...

Ольга открыла глаза.

– Надо достать денег, . Я боюсь за Катьку. Попробуй.

Женька наклонилась к лицу подруги.

– Ты хочешь, чтобы я... Чтобы я пошла на “работу”? Как ты?

– У тебя получится. Ума большого не надо. Ты красивая, любой клюнет, подружка. Они убьют Катьку, . Попробуй, Куколка. Катька на диване замахала ручками:

– Куколка. Маме можно, и мне можно.

Шрам на щеке Ольги разошелся, потекла кровь. Ольга не обращала внимания:

– Можешь надеть мое платье. Хотя нет, лучше не надо... Надень свое, черное. Ты в нем прямо супермодель. Ампулы спрячь в воротник, как я. Никогда не врубаются. Подрежь чуть подкладку и спрячь.

– А ты как?

– Одна отлежусь. Мне уже лучше. Иди сегодня. Штука баксов – это много. Недели может не хватить. Шмотки не бери, лучше деньги.

Ольга снова закрыла глаза. Женька не вставала с дивана. Она не знала, что ответить. Толкать вещички в ларьке – одно, другое – идти на “работу” самой. Одной. И в первый раз. Страшно. Вон что с Ольгой сотворили. А если она, Женька, попадется?

И никого за спиной. Ни единого человечка. Не считая Ольги и Катики...

Ольга сильно закашлялась.

– Иди, ...

"Страшно... Очень страшно. Ампулы, платье... Я не умею, я не хочу..."

– Ты слышишь, Женька? Иди, иди... Женька взглянула на черное окно, на играющую Катку, горестно вздохнула и подошла к встроенному в стену шкафу.

Женька поднялась из метро в центре, возле Гостинки. Вынырнув из толпы, она очутилась на углу Садовой и Невского. Ноябрь в этом году простужено плевался снегом, слякотью и холодным ветром – Женька постоянно мерзла в своем ларьке. Сейчас она была в черном Ольгином полушубке, единственной ценности из их совместного гардероба.

Вечерний Невский переливался каскадами неона и витринами элитных магазинов. Женька осмотрелась и пошла в сторону Адмиралтейства. Ольга, с ее слов, снимала мужиков только в тачках. В дорогих тачках. Сидеть в кабаках и изображать несчастное одиночество накладно и убого. Один раз она посидела в “Кабриолете”, после чего отказалась от подобных мероприятий. Еле унесла ноги, когда подклеивший ее пьяный командированный полез с бутылкой наперевес к быкам за соседним столиком. Командированного увезли на “скорой”. Больше никаких кабаков. Люди солидные и денежные колят в тачках. Их тяжелее заарканить, но зато улов...

Еще в метро Женька пересчитала деньги. Полсотни. Хватит на две поездки. А потом все, первый блин комом. Поэтому не надо спешить. Ольге в этом плане полегче, маленький, но все ж опыт. С одного взгляда может определить, чего стоит клиент и надо ли садиться в его машину. Конечно, и у нее случались холостые заезды, но все равно по сравнению с Женькой она ас.

Возле “Европейской” постоянно пробки, машины делают разворот на Невском. И к тому же здесь много иномарок. Женька, выбрав момент, когда у светофора замерла бордовая “вольво”, вскинула руку.

Машина, подмигнув подфарником, прокатилась метров девять и замерла в ожидании.

Женька дернула ручку и заглянула в салон.

За рулем сидел породистый мужик лет сорока.

– Куда?

– На Гражданку.

Мужик кивнул. Женька села. Всю дорогу молчали. Женька не знала, о чем говорить, а если честно, боялась начинать. Мужики должны приставать первыми. По своей природной сути. За женщин говорят внешность и шарм. Получается, одного шарма не хватает. А может, мужик этот не ее полета. У него, может, таких куколок – как гирлянд на Невском. У каждого перекрестка.

Вместо мужика с Женькой разговаривало радио. Веселый ди-джей выполнял плаксивые и тупые заявки. “У моего Пупсика день рождения, поставьте Для него “Агату Кристи”, песню “Давай вечером Умрем весело...”

Через тридцать минут, освободив кошелек от двадцати тонн, Женька вышла в северо-восточной части города. Ура, приехали. Прокатились. Еще пара таких экскурсий, и коммунизм у нас в кармане. Перевыполнение плана по валу. Как их Ольга арканит?

Женька заскользила по разбитой непогодой улице в направлении метро. Но сегодня станция оказалась закрытой. Ах да, плавун. Вот черт, еще и домой не вернуться.

Электронные часы над входом вывели две двойки. Люди, скопившись у обочины, ловили попутки.

Назад в центр Женька доехала за червонец на старенькой “копейке”. Поторчав на углу Литейного и Невского, она обреченно зашагала к подземке. Нет, эта работа не для нее. Хотя Ольга и говорит, что тут ничего такого, что все мужики – безголовые тельцы, преследующие при общении с бабой одну-единственную цель, – пока ее слова практического подтверждения не находили.

Мороз впивался в щеки, и Женька ускорила шаг. Невский еще не опустел, но праздно гуляющей публики почти не наблюдалось. Выпавшие из забегаловки поддатенькие парочки ловили машины или ползли к метро. Продавцы выставляли из закрывающихся магазинов последних покупателей, запоздавшие прохожие желали в теплые постели.

Женька не обернулась на двойной сигнал машины. Мало ли кого вызывают? После третьего гудка она все же посмотрела назад. В паре метров от нее вдоль обочины полз “кабан” черного цвета. Рядом с Женькой никого не было. На всякий случай она ткнула пальцем в грудь: “Меня?”

Пассажирская дверь открылась.

– Садись, подкину.

“Телевизионная служба безопасности предупреждает – не садитесь в чужие машины, можно пасть...”

– У меня нет денег.

– Разберемся.

Этот мужик тоже был породист, как и тот. Только вместо строгой деловитости первого здесь бросалась в глаза широта не знавшей ни в чем отказа натуры. Разгуляево.

После морозного воздуха запах перегара резко ударил в нос. В салоне было жарко, как в сауне, герметичный кузов не позволял вездесущему холоду пробраться внутрь.

Радио не вещало. Водитель выжал газ, “кабан”, крутанув колесами, выкатил на центр проспекта.

– Куда едем? – Парень скосил глаза на Женьку.

– Домой. :

– К маме?

– К маме.

– А чего кислая? Тоска, что ль?

– Да нет, нормально.

– Кислая, кислая... У меня вот тоже тоска. Раз – тоска, два – тоска, посередине гвоздик.

Все осточертело, веришь?

Женька кивнула.

Машина прошла на красный. Мерзнувший гаишник даже не пошевелился.

– Ссыт, – прокомментировал парень и провел ладонью по шершавому “ежику” на голове. Затем выдохнул на Женьку аромат коктейля “Даблминт и джусиф-рут со спиртом”.

– Звать как?

– Женей.

– А я вот Витька-Витек. Ты расслабься, я не самоубийца, катаюсь хорошо. Нравится тачка?

– Ничего.

– Ничего... Смотри сейчас.

Парень выжал педаль газа. Машину бросило вперед. Редкие вечерние машины как будто замерли на правой полосе. Женька вжалась в кресло. Зря она села к этому сумасшедшему.

– Не бойсь, если что, сдохнем на месте.

– Успокойтесь, я верю, что машина хорошая. Витька сбросил газ.

– Может, вмазать хочешь? Да расслабься ты, не обижу. Давай вмажем, а? Женька робко кивнула.

– Не понял, будешь, нет?

Женька вдруг осознала, что ради этого момента она и колесит по городу, тратя деньги, а когда “клиент” сам собой нарисовался, явно растерялась. Поэтому она еще раз утвердительно кивнула, но уже с большим оттенком уверенности:

– Да буду, буду. Только где? Здесь, прямо в тачке?

– Какой базар! Где скажешь, там и вмажем. Хоть в приемной мэра. Чего взять?

– Все равно. Лучше водки. У меня аллергия от остального.

– Базара ноль. А ты ничего. Не боишься одна-то по ночам?

– Ну, еще не ночь...

Парень, перебив ее, начал рассказывать пошлые старые анекдоты и сам же над ними ржать. Женька тоже смеялась, хотя слышала эти шутки еще в детдоме. Она уже поняла, что этот Витек из той части населения, которая может позволить себе все, что угодно, и вследствие этого не терпит каких-либо возражений. Сказал “смешно” – смейся, сказал “пить” – пей, сказал “в койку” – ложись. Без базара.

У одинокого ларька он притормозил:

– Погоди, сейчас возьмем...

Дверь осталась незапертой. Качающийся из стороны в сторону Витька, перешагнув сугроб у обочины, добрел до торговой точки. Молодой продавец в очках приоткрыл стеклянное окошечко, ожидая заказ.

– Дай чего-нибудь, – грубо потребовал Витька, – чтоб не сдохнуть. “Черная смерть” не подвальная? И на зуб. Во – конфеты. И фисташки.

Продавец снял с витрины “Вишню в шоколаде”, пакетик с орехами, извлек из коробки бутылку водки и поставил перед собой в ожидании денег.

– Давай сюда, четырехглазый, чего вылупился.

– Пятьдесят пять тысяч с вас.

Женька через открытую дверь слышала разговор – До ларька было метров пять. Она сама часто попадала в ситуации, когда подвыпивший покупатель начинал борзеть и забирал с прилавка товар, не заплатив. Охраны не имелось, хозяин – жмот, поэтому ущерб возмещался из Женькиного тощего кошелька. Как недостача. Поди докажи, что козел покупатель не заплатил.

Витька прогремел на монгольско-русском языке несколько фраз. С выражением. Затем уже чисто русским ударом локтя разбил витрину, оттолкнул продавца и забрал свои “покупки”. Продавец жалобно завершал:

– Чего ты, в натуре, крутой, да?

– В натуре у лягушки член зеленый. – Зажав под мышкой конфеты и держа в руке, как гранату, “Черную смерть”, Витька вернулся к машине.

“Кабан” рванул с места. Витька, будто ничего не случилось, опять принялся за “бородастые” анекдоты. Уловив Женькин испуг, он нагло стукнул ей по колену:

– Расслабься, подруга, скоро будем.

Через десять минут “мерседес” причалил к огромному точечному дому, уходящему своими этажами в черное небо.

– Прибыли, вылазь.

Женька толкнула тяжелую дверь и вышла из машины. Хозяин пикинул “сигналкой”. На восьмом этаже, повозившись с замком, Витька открыл металлическую дверь одной из квартир и махнул головой.

– Заходи. Вот ведь, бля, замок. Как я на стекле, так открываться не хочет. Чувствует, что ли, блин?

Хозяин с порога ринулся в туалет, указав Женьке вход в комнату. Женька сняла полубок и прошла внутрь.

Было время, когда квартира несла на себе печать мастерства хорошего дизайнера. Даже цвет мебели соответствовал колеру дорогих обоев. Но сейчас, ввиду обычного бардака-беспорядка, все утратило первоначальный лоск. Под ногами захрустели, защелкали скорлупки от фисташек, в изобилии разбросанные по давно не метенному ковру. При малейшем движении воздуха с тяжелых портьер взлетала и щекотала ноздри пыль. Надеемся, крысок нет? Нет, нет, это пустые бутылочки. Облик жилища вполне соответствовал облику хозяина. Каков поп... Зачем подметать коврик? Купим новый. Пыль на мебели? Сменим мебель, фиг ли...

Женька опустилась в такое же пыльное кресло. Впрочем, Бог с ними, с пылью и скорлупками. Мы сюда не с этим, в смысле не с уборкой заглянули. Убрать, конечно, можем, если что. Заодно.

В соседней комнатке, должно быть, спальня. Спаленка. Значит, все, что нажито непосильным трудом, присутствует здесь, в бардаке. Женька пробежала взглядом по мебели стенке, заметила двухкассетник, кубик-телевизор, видик, рядок кассет. Остальные более-менее ценные вещи стенка скрывала за многочисленными дверцами. И наверняка скрывала деньги. Ребятки, разъезжающие на “кабанах”, всегда имеют скромные сбережения “на черный день”. Главное – их найти.

Хозяин объявился на пороге, оценил Женькину внешность довольным похрюкиванием и исчез на кухне.

Женька потрогала воротник платья. Две ампулы с клофелином, вставленные в небольшие прорезы на подкладке, несли боевое дежурство. Достаточно надавить на кончик воротника, и они выпадут в подставленную ладошку. Фокус должен проделываться непринужденно, незаметно и, главное, быстро. Это непросто, Ольга специально тренировалась, упражняя пальцы.

Интересно, кто этот Витька? К коммерции явно не склонен – интеллект так и прет, “блин” через слово.

Для быка слишком хорошо упакован: “мере”, отдельная хата, хотя повадки явно бычьи. Ларечника опустил на пузырь и конфеты, словно сигарету выкурил. Так, между прочим. Бабок наверняка во всех карманах понапихано, а все равно быкует.

Витька вернулся в комнату уже без своего длинного черного пальто, скинул такой же черный просторный пиджак, поставил на столик водку, конфеты, две хрустальные рюмочки, бросил фисташки. Затем опустился в кресло, расстегнул пуговичку-цепочку на рубашке и блаженно вытянул ноги, благоухающие ароматом промокших туфель. Он был крепко сложен, это чувствовалось и без приталенной, подчеркивающей достоинства фигуры фирменной рубахи.

– Давай за знакомство.

Витька свернул пробку и наполнил рюмки. Затем быстро, не чокаясь, опрокинул свою в рот, с хрустом откинув голову.

– Дерьмо полное. Неохота возвращаться, а то я б ему устроил, говнюку. Вот ведь...

Легкая трель не дала развить мысль о недоброкачественном товаре водочных королей.

Протянув руку к брошенному на диван пиджаку и по ходу щелкнув орешек, Витька извлек из внутреннего кармана телефонную трубку.

– Да. Спикер? Слышно херово, базарь громче. Чего в шесть не зарулил?.. Ладно, херня там все, не бери в башку, плюнь. Подгребешь? Давай позже, через часок. Я тут занят сейчас. Да не пой ты, я говорю, перебазарим после. Там чисто сработано, без промашки, можешь отдыхать спокойно... Короче, через часок подгребай, занят я...

Витька нажал отбой и поставил трубку перед собой на столик.

– Везде достанут. Надоели все, веришь? Женька кивнула на трубку.

– Это радио, да?

– Ага.

– И можно позвонить куда угодно?

– Можно. Япония, мать их. Сотовая связь. Радио-няня.

Женька вдруг вспомнила про Ольгу. Как она там? А Катька? Может, все-таки нужен врач?

– Я позвоню? Маме...

– Звони, – хорошо поставленным жестом руки Витька дал разрешение. – Верхнюю слева кнопку надави, потом номер.

Кнопочки давились с приятным щелканьем. Пик-пик-пик...

Уходя от Ольги, она перенесла аппарат на тумбочку, Ольга могла не вставая снять трубку.

– Алло, Олюнь? Как ты?

– Ничего. Ты откуда?

~ Так, от знакомого. Постараюсь пораньше. Катька спит?

– Да. Ты у мужика?

– Да.

~ Есть что-нибудь?

~ Не знаю. Ладно, пока, я скоро буду.

Женька отключила связь.

~ Мама?

– Нет, сестра. Мать уже спит. Витька вновь наполнил свою рюмку.

– Ты чего не пьешь? Просила ведь. Для кого я водку покупал?

Женьке не хотелось глотать эту горькую отраву. Что такое ларечная водка, даже в очень презентабельной бутылке, она прекрасно знала по собственному торговому опыту. Каждое утро она получала от хозяина пачку акцизных марок и старательно наклеивала их на горлышки бутылок. Некоторые пробки были до того халтурно закреплены, что акцизная марка служила обычным средством предохранения от протечки.

Женька взяла рюмку и пригубила. Горечь обожгла язык. Она надкусила конфетку.

– Нет, подруга, так не пьют. Ты чего сюда приехала, телик смотреть? Давай-ка до дна.

Женька зажмурилась, опрокинула рюмку, помахала ладонью перед ртом и проглотила конфетку целиком.

– Во, нормалек, блин.

Витек заметно одурел. К прежнему багажу добавился груз “Черной смерти”. Его маленькие узкие глазки сильно покраснели, а мясистый нос приобрел оттенок малинового ликера. Еще пара рюмок, и ручки потянутся к ножкам. Витькины ручки – к Женькиным ножкам. И вправду, он же не телик притащил ее смотреть.

– Пей! – скомандовал он, сунув в рот сигарету. Запах тувель смешался с запахом пота и сигаретного дыма. Женька брезгливо поморщилась. Зазвонили настенные часы. Одиннадцать. Кто-то придет через сорок минут. Какой-то Спикер. Тогда облом. А Витек? Он ведь тоже должен уложиться в сорок минут. И клофелин не сразу валит с ног – тоже надо времечко. Черт!

Он окончательно слетел. Но цель видит четко, снайпер.

– Ты че, че не пьешь, дура?! Давай живо, бляха... Он едва попал в рюмку струей “Черной смерти”, сделав лужу на столике.

– Я не могу так. Воды нет запить? Или лимонада?

– Там, в холодильнике. Ладно, сиди... Я сам.

Пошатываясь, джентльмен исчез за стеклянной дверью, но, судя по звукам, оказался не на кухне, а снова в туалете. Прямо туалетный утенок. “Уничтожает микробов даже за ободком унитаза”. Реклама – двигатель торговли.

Женька быстро вытащила ампулу. Другой возможности не будет. Сжав маленький баллончик, она выдавила прозрачную жидкость в рюмку и добавила водки. Услышав шаги, бросила пустую тару под диван.

Витек забыл, что ходил за лимонадом. Увидев наполненную рюмку, он еще раз запрокинул голову и рухнул уже не в кресло, а на диван.

– Иди с-сюда.

– Зачем? – прикидываясь дурочкой, спросила Женька.

Витек рванул рубашку, пуговицы отлетели, как искорки бенгальского огня.

– Иди, говорю... Поцелумся-ся-ся. Разок-другой. Он стянул рубашку через голову. Шею украшала тяжелая золотая цепь, а грудь – живописная наколка и несколько рубцов-шрамов.

– Я... я не хочу...

– Че? Ты че, дура, лепишь? Тебе че, любви захотелось? Целочка, что ли? Щас сделаем.

Иди сюда, бля...

Жилистая рука схватила Женьку за плечо и потащила на диван.

– Отстань, ну пожалуйста... Мне домой пора.

– Не звезды, подруга. Нехера по ночам шляться.

– Ну, подожди, подожди, я сама... Хватка ослабла.

– Ну, давай, шкурка, – рухнув прямо на ковер, промычал Витек.

Женька дотянулась до замочка молнии и несколько раз дернула вниз.

– Ну че?

– погоди, молния заедает...

– Какая еще, на хер, молния?! Правой рукой он схватил Женьку за шею, а левой рванул воротник. Платье треснуло по шву.

– Вот так.

Прыщавый щетинистый подбородок мелькнул перед Женькиными глазами, тупая тяжесть придавила ее к дивану, животный хрип человеко-быка заглушил все остальные звуки, тошнотворный запах перегара ударил в лицо.

– Ну пожалуйста, ну не надо...

Бык зарычал.

Женька начала задыхаться. Она уже не думала о деньгах – даже об Ольге забыла. Господи, зачем она села в эту тачку? Он же псих, он просто задушит ее.

Рука, отпустив горло, нырнула под платье. Любое Женькино противодействие усиливало натиск огромной массы. Женька попробовала упереться в расписную грудь, но резкий удар ладони тут же обжег щеку.

– Тихо, шкурка, удавлю.

Женька попыталась закричать, но из горла вылетел жалкий писк.

"Если вас насилуют, расслабьтесь и получите удовольствие".

...Сволочь, гадина вонючая... Женька вывернула голову. Серебряный скелет в шляпе на черной этикетке с довольной ухмылкой взирал на происходящее. Ну что, девочка, доигралась в куклы? "Давай вечером умрем весело..."

Левой рукой она дотянулась до бутылки, схватив ее за горлышко. "Водка изготовлена по старинному русскому рецепту в подвале № 5 из отборного технического спирта и невской воды". Удар получился безжизненно слабым – бутылка даже не разбилась. Женька сжала зубы, ожидая ответного припадка ярости "возлюбленного"... Все...

Бритая голова не поднималась с ее груди, руки, терзавшие ее тело, соскользнули на диван, жесткая туша быка превратилась в студень. Лишь прерывистый, булькающий храп нарушал неожиданно повисшую в комнате тишину.

Женька отпустила бутылку, выбралась из-под туши и рухнула в кресло. Витка лежал уткнувшись в диван подбородком. Спокойной ночи, малыш. Утром с мамой в садик. Не пропусти.

До полуночи осталось десять минут. Женька вскочила с кресла, поправила разорванное платье и метнулась в прихожую. К черту! Хорошенькое приключение, унести бы ножки... Нет! Что, все напрасно?

Резаное Ольгино лицо неожиданно мелькнуло перед Женькой, спящая на своей кроватке Катка... Деньги! С этого бычка не убудет, еще набомбит.

Она вернулась в комнату, бегло огляделась. Из брошенного пиджака выудила толстый бумажник. Пальцы не слушались. Быстрее, быстрее, сейчас к этому уроду придут.

В “лопатнике” было баксов пятьсот и немного русскими. Наличность переместилась в шубку. Маловато будет. Через секунду к деньгам присоединилась цепь с крестом, снятая с шеи храпящего тела. Тянет баксов на двести, если, конечно, не левый самопал. Черт, еще что? Посуда, картинки, шмотки? Дешево и опасно. Наверняка есть золото, но пока найдешь...

Видак. Фирма. Это еще баксов двести, если не больше.

В прихожей валялась спортивная сумка. Есть тара! Отсоединив шнуры, Женька опустила видик в сумку. Осталось немного свободного места. Кассеты! Как раз.

Заполнив сумку до отказа, Женька застегнула молнию, в прихожей влезла в сапоги и кинулась к двери. Все! Теперь отваливать. Вряд ли кто ее увидит, дом спит.

Дверь не захлопывалась. Женька не стала искать ключи. Ничего страшного, свежий воздух не повредит пьяному организму хозяина. Дольше будет спать мужичок.

Табличка призывала изучить правила пользования лифтом. Надпись синим маркером вопила об оказании срочной половой помощи какому-то Вадику...

Глаза в глаза. Какой жуткий взгляд. Женька даже не успела рассмотреть всего остального. Мужик поменялся с ней местами и немного подождал, прежде чем нажать кнопку. Женька не оборачивалась. Когда она переступила порог подъезда, лифт захлопнул двери и пополз вверх.

Переводя дух, Женька прислонилась к стене и, глотнув порцию освежающего холодного воздуха, быстро пошла к сверкающему неоновыми фонарями проспекту.

Глава 3

Первое. Это была Ким Бэссинджер. Второе. Она была мокрой. Может, от дождя, может, от слез. Локоны слипшихся волос падали на обнаженные плечи, чуть приоткрытый чувственный рот дразнил кукольной улыбкой. Облегающее платье, тоже, разумеется, мокрое до прозрачности, дразнило еще сильнее. Ох, Ким стояла на пороге, протягивая руки.

– Здравствуй, Костик...

– Здравствуй, Ким.

– Я хочу тебя, Костик...

– Спасибо, Ким.

Она оказалась прозрачной, как и платье. Но мягкой и теплой.

– Сейчас, Ким, сейчас... Не на пороге же. У нас Диван есть, пойдем.

– Нет, нет, неси меня на руках. – Да, конечно. Лег-ко!

Он подхватил ее невесомое тело и понес, прижимая к груди.

– А почему ты мокрая? Сейчас же холодно.

– Поливочная машина, там во дворе...

– А, пустяки, высохнет.

– Конечно, пустяки, милый. Давай же, давай скорее. Я хочу тебя. Финиш, как хочу.

– погоди, может, о кино поговорим, о жизни...

– К черту кино, к черту жизнь... Он начал осыпать поцелуями ее лоб, глаза, губы, шею, потом переполз ниже.

– А, а... Боже, я сейчас умру, Костик... Мокрое платье никак не снималось, прилипло, словно фантик к влажной ириске.

– Ну кто ж так шьет, руки бы обломал.

– Карден, Костик.

– Оно и чувствуется. А, плевать. Ким запрокинула голову и закатила в изнеможении глаза. Костик начал целовать платье.

– Милый, а-а-а...

...Пронзительный, сумасшедший звонок рубанул по перепонкам.

– Черт, мать их. Белкина, наверное, принесло, и чего ему не спится? погоди, я сейчас.

...Он стоял в центре кабинета и лихорадочно крутил головой. Что это, а? Скомканное ватное одеяло валялось перед диваном, рядом с ботинками. Одиноким фонарь за зарешеченным стеклом разряжал темноту жидким светом. Ким на диване не было. Ушла.

– Ну, Вовчик, сейчас я тебе. За все легавым отомщу. Ишь как звонит.

Стоп! У нас же нет дверного звонка. Костик окончательно проснулся.

До телефона было метра три. Костик не стал влезать в ботинки и допрыгал до стола в носках.

– Да, алло!

– Казанцев? Дежурный Королев. Подъем. Хватит с Ким Бэссинджер шалить, у нас труп криминальный. Я к тебе машину охраны направил, они тебя подкинут в адрес.

– А назад?

– Моя задача доставить тебя на место происшествия, а назад – твои проблемы. И чего это ты назад собрался? Там надолго.

– Ну, вдруг чего перепутали...

– Ага, рубанули от уха до уха, вместе с позвоночником. Так что вряд ли перепутали. Группу уже заказали. Действуйте.

Костик положил трубку, нажал кнопку настольной лампы и повернул часы к свету. Без десяти шесть. Ну, какой идиот в такую рань обнаруживает трупы, тем более криминальные? Лунатики хреновы.

Бедная Ким. Как она хотела! А он как! Попадалово. Интересно, как Королев про нее просек? Впрочем, он дежурный, должен знать все. Профи.

Старший оперуполномоченный отделения по раскрытию убийств Константин Сергеевич Казанцев по прозвищу “Казанова” тяжело вздохнул, на цыпочках пропрыгал обратно к дивану, поднял одеяло и обулся. Потом извлек из стола дежурную папку и пистолет.

На улице заскрипели тормоза “Жигулей”, и двойной гудок дал понять, что транспорт подан.

– Сейчас, сейчас, – пробубнил Костик самому себе, – не убежит.

Через минуту он трясся в тесном салоне, слушая шум рации и болтовню сержантов.

Перед двадцатипятиэтажным точечным домом урчал застуженным движком “УАЗик” местного отдела. Казанова выгрузился, и “Жигули” тут же умчались по сработавшей где-то тревоге.

Водитель “УАЗика” кемарил, сидя за рулем. Костик открыл салон:

– Здоров, Иваныч. Все дрыхнешь? Гляди, “пушку” уведут.

Водитель вздрогнул и проснулся:

– А, Костя, тоже выдернули?

– Да куда ж без меня? Квартира какая?

– Две восьмерки.

– Кто из наших там?

– Музыкант и Степанов. Участковый.

– Лады, дрыхни дальше.

Костик определил этаж и зашел в дом, автоматически вспоминая, что убийства в многонаселенных домах “удобны” и “неудобны” одновременно. Вроде больше возможных свидетелей, но с другой стороны, обходить столько квартир малоприятное удовольствие.

Сергея Викулов, опер местного отдела по кличке “Музыкант”, сидел перед восьмьюдесят восьмой квартирой на корточках и смолит сигарету. Вход перекрывала ярко-желтая широкая лента, прилепленная к косякам.

– Здоров, Музыкант. Чтой-то за сопля желтая?

– Здоров, Казанова. Эксперты подарили. Чтоб до их прибытия никто не лазал. А то пройдется, как стадо слонов, потом никаких следов не найти.

Костик достал сигареты.

– Ты чего, дежуришь, что ли?

– Ага, – кивнул Музыкант.

– Ну что там? Точно мокруха-то?

– Вроде как. На суицид не тянет. Хозяин – некий Медведев Виктор Михайлович тридцати пяти лет, здесь и прописанный. Лежит на диване с разрезанной глоткой. Кровищи, сам понимаешь, хоть залейся. Все перевернуто. Похоже, налет.

– Кто такой?

– Пока не знаю. Я там по шкафам не рылся. Так, глянул обстановку и на выход.

– А данные откуда?

– Участковый в своем талмуде откопал.

– Кто обнаружил?

– Сосед из той квартиры. В пять утра. Ключ в дверях заметил. Снаружи. Решил побеспокоиться. Ну и увидел.

– Неужто он такой беспокойный? – недоверчиво переспросил Казанова, давно усвоивший, что в первую очередь проверять на причастность надо именно тех, кто “случайно” обнаруживает трупы.

Однако из скважины действительно торчал ключ.

– Не похоже, что врет. Он всегда в это время на работу уходит. А замок и в самом деле суровый. Если не знать секрета, ключ не вытащишь.

– Где сосед сейчас?

– Дома, где ж?

– Ничего не слышал?

– Абсолютно. Ни возни, ни шума. Терпила-то здоровый. (Терпила – потерпевший (мил., сленг).)

– Я гляну. Аккуратно.

– Чего там смотреть? Еще насмотришься. Группа вот-вот приедет.

– Королев отзвониться просил.

– Я отзвонился, объяснил.

– Ладно, тогда подождем. По соседям стремно в это время ползать. По себе знаю.

Костик сел прямо на пол, подложив папочку. На этаж спустился участковый.

– Чердак закрыт, подвал тоже.

– Ты рассчитывал, что убийца на чердаке залег?

– Нет, конечно. Просто тут чердак хороший, раньше бомжи жили, так что я на всякий случай.

– Брось, покури.

Участковый присоединился к операм.

– Лишь бы поменьше начальства набежало. Замучают советами, – посетовал Костик. – Сегодня от руководства Овечкин дежурит, головастый малый.

– Кто такой? Чего-то не помню.

– Да он недавно. Бывший учитель физкультуры. Блатник. Получил полкана и сразу в командиры. Про ментуру только в книжках читал. Слава Богу, хоть не в розыск пристроился, нам только такого чуда не хватало. На отпечатках пальцев помешан. Лишь бы нашли. Наверное, думает, что мы по отпечаткам жуликов ловим. Начальник...

– Слышь, Казанова, как у тебя-то дела? Слухи всякие ползают.

– В смысле?

– Ну, со стрельбой...

– А, да порядок. Повезло немного. Мудака этого, ну, потерпевшего моего, за квартирный разбой посадили. Очень вовремя.

Летом Казанова разогнал стаю пьяных оболтусов, ранив из табельного оружия самого активного. Иные меры воздействия не оказали, и стрелял Казанова уже не ради охраны общественного порядка, а спасая собственную жизнь. И естественно, стрельба была признана не правомерной, у Костика отобрали “ствол” и возбудили в отношении него уголовное дело. Из органов, правда, не увольняли, решив дождаться окончания следствия. Оправдания опера, а также показания девчонки-свидетельницы в расчет почти не принимались, и Костик заметно приуныл, готовясь к самому худшему.

Когда карающий меч правосудия вот-вот готов был опуститься, потерпевший, уже оправившийся от ранения, вместе с приятелем посетил чужую квартиру и под угрозой пистолета забрал кое-какое имущество, что в уголовном кодексе определяется как разбой. Будучи взятым через пару дней, он поднял шумиху, что озлобленные на него опера, решив отомстить за своего приятеля, сфабриковали дело и что он – жертва козней органов.

Идея успеха не имела, хлопчик был не того полета, а из-за каждой бритой шелупони устраивать очередной скандал никто не хочет. После этого дело в отношении Казановы было со скрипом, но прекращено. Он искренне перекрестился и зарекся применять табельное оружие не то что на поражение, но и для предупреждения. Пальнешь вверх, а преступника отправят

на сантранспорте, и никто не поверит, что пуля, набрав максимальную высоту, упала прямо ему на макушку. Тьфу-тьфу...

Прибыли эксперты. Техник, разложив на полу специальные лесенки-мостики, обеспечил остальным передвижение по квартире. Заходить все равно не стали, дав возможность поколдовать на месте происшествия специалистам.

Музыкант безобразно зевнул.

– Мишку Смородина знаешь, опера нашего?

– Конечно, – кивнул Казанова.

– Тебя оставили, а его того. Место теперь ищет.

– Ну? За что?

– Шеф предложил. По-хорошему. Мишка слишком усугублять стал. И ладно б по-тихому пил, так нет – как вмажет, начинает права качать. А кому нравится? Шеф ему втык – фиг ли, мол, опять нажрался, ты офицер или где? Ну, выпей ты, как все нормальные люди, грамм пятьсот и работай спокойно, но нажираться-то фиг ли? Мишка сразу в амбицию – ксиву на стол, “пушку”, материалы под эту марку в корзину. В общем, сволочи все, только и норовят Мишку побольнее уколоть.

Вот и вчера снова. Часика в четыре на грудь пузырек принял, а шеф его в коридоре засек. Иди-ка сюда, голубок. И опять по мозгам – завязывай, Михаил, по-хорошему, толковый ты опер, но пить-то зачем по-лошадиному? Михаил опять театр устроил – ксиву бросил, “пушку”. Все, кричит, достали. Только и умеете, что придираться к невинному, абсолютно трезвому сотруднику. Все, амба! Пойду повешусь! Шеф тоже вскочил. Да Бога ради, вон в сортире труба очень удобная, иди вешайся, нового опера найдем. Непьющего. Мишка хлопнул дверью и скрылся. Через часок шеф остыл, дежурного вызвал – найди Смородина и верни ему ксиву.

Тот пошел искать. Возвращается вскорости – нигде нет, Иван Сергеевич. У шефа участковый сидел. “Кого ищете?” – спрашивает. “Да Смородина”. – “Я его возле сортира минут сорок назад видел”.

Шеф как на пружине подскочил и бегом к сортиру. Дерг ручку – закрыто. Постучал – тишина. Все, досоветовался. Давай валидол глотать. Мужики подбежали. “Что такое, Сергеевич?” – “Да похоже, Смородин повесился. Грозился. Ломайте двери, может, еще откачаем”.

Мужики плечами налегли, защелку свернули. Глядь – Мишка со спущенными штанами спокойно сидит на толчке и наглым образом дрыхнет. Присел, бедолага, облегчиться, ну и уснул. После этого, сам понимаешь, Сергеевич хоть и мягкий мужик, но из себя вышел. Не повезло Михе.

~ Бывает, – усмехнулся Казанова. – Мы вчера тоже со своими посидели малость. Ножки обмывали.

– Ну? Кто ж папой-то стал? Петрович, что ли? Или Паша?

– Да никто не стал. Граждане ноги отрезанные в помойке нашли. Вот так, по колено. Обидно. Хоть бы РУКИ или башку. А теперь как опознавать?

– Ну, может, еще найдется остальное.

– Не думаю. Ножки несвежие, дня три минимум, Мы все помойки в округе обшарили, ничего больше не нашли, мусор уже вывозился. И по телику ведь не покажешь. “Взгляните, не узнаете ли часом ножки?” Во, доблестная экспертная служба закончила разведку. Чем порадуете, следопыты?

Молодой эксперт с опухшими, красными от внеурочной побудки глазами извлек мятую пачку “Родопи”.

– Из корыстных, похоже. Можете глянуть, руками только не лапайте. На столике две рюмки, пузырь “Черной смерти” на полу. Разлитый. Наверняка убийца хорошо знал жертву,

пили вместе. Потом выбрал момент и ножиком по горлышку – вжик. Сильный удар – башка на куске кожи висит. Обычно черные так режут. Словно барана.

– Ну и почему из корыстных?

– Кое-чего явно не хватает. Видика нет, пульт на столике валяется – “Сонька”. Шнуры торчат. Шкаф настежь, ящики мебельные вывернуты, бардак одним словом. Мужик явно судимый – вся грудь в зоновских наколках.

– Он что, голый?

– По пояс.

– Интересно. Вроде не май месяц.

Казанцев по мосткам проник к месту событий. Обычная картина. К сожалению. Вернее, к ужасу. Обычная сцена из спектакля под названием “Мрак”. Круче любого боевика. Американцы пыжатыся, выделяются в своем Голливуде. А у нас через пару часов приедет “Криминальная хроника”, заснимет и выдаст в эфир к вечернему чаю. Вперемежку с “Хэд энд шоулдерс” или “Нутеллой”, которой наслаждаются исключительно вместе. Смотрите, пожалуйста, приятного аппетита. Нравится? То-то.

Мужика завалили часов шесть назад: Костя без всяких градусников научился определять примерную давность смерти. Зияющая рана почернела от запекшейся крови. Он отвел глаза и осмотрел комнату.

Музыкант, увы, не ошибся, на суицид не тянуло. Но и налет не мог являться окончательной версией. Видик забран, если он, конечно, был, а остальное? Двухкассетник нехило тянет, телик, картинки, пальтишко. Кожа в шкафу. Может, бабки увели или рыжые? Ладно, чего гадать? Терпила-то явно не гегемон, судя по обстановке, наколкам и личику. Типичный бычара. “Славно жили они и умирали достойно”. И скатертью дорога.

Пик-пик-пик... Казанова повернул голову. Будильник отметил седьмой час суток. Рядом с будильником трубка-телефон. Дань облику. Большие боссы, крутые, как хвосты поросычьи. “Мама, жарь котлеты, я выезжаю”. Через пару дней распечатка всех звонков ляжет на стол с указанием времени и абонента. Крайне неудобное для некоторых обстоятельство. Телефон не роскошь, а средство связи. Правильно, ребята.

На площадке послышался топот прибывших в театр зрителей. Организаторы и вдохновители. Либо пресса. На пирожок с “клубничкой”.

Костя еще раз осмотрел комнату, сделал “бай-бай” Хозяину и пошел к выходу.

На площадке Музыкант уже рапортовал прибывшему Овечкину о найденных отпечатках. Овечкин внимательно слушал и удовлетворенно кивал.

– А что сказал аналогопатаном?

Вероятно, шеф имел в виду патологоанатома, а точнее судмедэксперта, который, к слову сказать, еще не приезжал. Но Серега был опытным сотрудником.

– Он сказал, что потерпевший убит.

– Понятно, понятно. – Овечкин постучал носком темно-зеленого неуставного ботинка по бетонному полу, поправил фуражку. – Очень хорошо, работайте дальше, я в отдел.

Когда он скрылся в лифте, Серега взглянул на Казанцева и отрешенно выдохнул:

– Как меня перхоть замучила...

Женька включила свет в прихожей. Тихонько, чтобы не разбудить Катю и Ольгу, прошла на кухню, поставила сумку на стол, затем вернулась и сняла полушубок.

Домой она добралась на частнике. Глуповатый водитель старенького “Москвича” без перерыва тараторил всякую ерунду и вместо короткого пути дал кругалю, заработав лишнюю пятерку.

Женьке было все равно, она хотела сейчас лишь одного – добраться до дома, упасть на диван, согреться и уснуть. Она ужасно продрогла, лоя машину. Господи, еще ведь Ольга. Как там она?

В комнате никого не было. Женька поняла это не сразу, сначала отметив отсутствие привычного Каткиного сопения. Включив ночник, она увидела пустую кровать и Ольгину тахту. На стульчике с лекарствами лежал листик из детского альбома.

"Куколка, я в Петровской больнице, стало плохо, вызвала "скорую". Катка у тети Шуры, заведи".

Тетя Шура жила за стенкой. Она была одинокой женщиной лет пятидесяти и работала на местной почте. Ольга частенько оставляла Катку у нее. Тетя Шура никогда не возражала – своих детей у нее не было, поэтому она с удовольствием нянчилась с Каткой.

Женька положила записку на стул и включила большой свет. Неужели с Ольгой что-то серьезное? Не надо было слушать ее, а сразу вызывать "скорую". Где эта Петровская больница, как туда позвонить? Женьке уже не хотелось спать. Катка? Да, надо забрать Катку.

Она вышла на площадку и позвонила в дверь соседки.

– Это я, тетя Шура.

– А, Женечка.

– Что с Ольгой, тетя Шур? Меня не было, а тут такое.

– Не знаю, Женечка, мне ничего не сказали. Ее быстро забрали. На носилках несли. Врач мне Катюшу оставил, а толком ничего не объяснил. А я-то со сна и спросить не успела, что да как.

– Когда ее увезли? ~ Да с час где-то.

~ Катка спит? Я забрать хотела. ~ Пускай у меня переночует. Зачем будить? Утром заберишь. Господи, ты-то что бледная такая? ~ – Так, устала.

– погоди, а разве тебе завтра не на работу? Женька вдруг вспомнила, что действительно, в девять утра ей надо быть в ларьке.

– Ой...

– Ничего, я посижу с Катюшей, у меня выходной завтра.

– Спасибо, тетя Шур, а потом я Катю с собой в ларек возьму.

– Что с Оленькой-то?

– На улице избили. Пацаны какие-то. Я зайду утром, вещи Каткины занесу и денег оставлю. Спокойной ночи, тетя Шур.

Женька вернулась в квартиру, устало села на диван и замерла, глядя в одну точку.

Глава 4

"В связи с проведением месячника "За чистоту русского языка" употребление выражений-паразитов "Не знаю", "Не помню", "Забыл", "Мамой клянусь", "Вам бы только дело списать" наказывается административным арестом сроком до пятнадцати суток".

Месячник длился как минимум с лета, судя по выцветшей бумаге и желто-грязным потекам воды, размывшим некоторые буквы. Откупорив с помощью подоконника бутылку пива. Казанцев плюхнулся на диван, бросил на стол горсть фисташек и присосался к горлышку.

– Фу, сейчас, мужики,

– Давай, давай.

Выпив, Костик поставил бутылку на подлокотник, придерживая ее рукой. Чиркнул зажигалкой.

– В общем, обломали мне такой сон. Вот на этом диване я драл мокрую Ким Бэссинджер.

– Почему мокрую?

– Не помню. Что-то там говорила...

– Черт с ней, по покойнику-то что?

– А чего? Нормальный покойник.

– Глухой?

– Очередной братишка.

– Точно?

– На шестисотом катается, судимый пару раз, ну и видок...

Костик допил бутылку и перешел к фисташкам. Сидящий за своим столом старший убойного отделения Игорь Петрович Таничев поторопил:

– Давай по порядку, не томи.

Третий опер – Вовчик Белкин – поддакнул:

– Действительно, Казанова, не тяни резину. Казанцев метнул бутылку в корзину и согласно кивнул:

– Короче, так. Терпила – некий Медведев Виктор Михайлович, прописан один в двухкомнатной хате, не женат, рекламный агент какого-то ТОО "Прилив". Имеет на иждивении, как я уже говорил, шестисотый "мерс", оформленный на свое имя. Тачка стоит перед подъездом, хотя обычно он паркует ее на ближайшей стоянке. Очень любит фисташки, кругом скорлупки и пакеты. Во, мы с Музыкантом прихватили по упаковочке. Чего добру пропадать-то? Мужик с первого этажа лепит, что вчера, гуляя около одиннадцати со своей псиной, видел, как терпила заходил в подъезд с девицей лет двадцати. Был на кривой кочерге (На кривой кочерге – сильно пьян (сленг)).

– Точно он заходил?

– Точно. Как-то раз спаниель этого свидетеля облаял Медведева, за что последний съездил ему по роже.

– Спаниелю?

– Тебе, е... Терпила лежит в большой комнате с перерезанной глоткой. На столе пара рюмок, конфеты, на полу бутылка водки. Свидетель, кстати, видел в руках Медведева "Черную смерть". Сейчас она валяется на полу. Все, естественно, изъяли. Пальчиков – море. Еще один очень интересный моментик. Под диваном, на полу, пустая ампула из-под клофелина. Свеженькая. И явно не хватает кое-каких вещичек – видика, кассет. Плюс нарушение обстановки. Шкафы, как душа, нараспашку. Бумажник пустой на диване.

– Да, – усмехнулся Вовчик, – девчонки пошли на редкость кровожадные. Ну, взяла б вещички да отвалила по-тихому. Мужик бы все равно ничего не вспомнил. Клофелин классно

отшибает память. Но резать глотку? Охереть! Гляди, Казанова, это прежде всего тебе надо учесть.

– Это почему же?

– Мы с Петровичем баб с улицы не таскаем.

– Ой-ой-ой. Не переживай, мне не перережут. Так, что там еще? Ага, время смерти около полуночи. То есть все получается довольно связно. Медведев в одиннадцать привозит мамзель, а в полночь кончается как таковой. И вправду шустрая девочка.

– Из связей, родственников этого Медведева кого-нибудь установили?

– Я не метеор. Вот, держите. – Костик кинул на стол пухлую ворсетку из черной кожи, вытащив ее из своей дежурной папки. – Поройтесь, там телефонов куча. “Черный ящик” прямо. Я переписал номер его телефонной трубки, через главк пробьем, с кем он трепался.

– Свидетели еще есть?

– Может, и есть, но пока не найдены. Дом же здоровый. Мы только по первому этажу пошарили. Теперь ваша очередь. Позвоните, кстати, в РУОП, обрадуйте. Виктора Михайловича там наверняка знают. Хотя сегодняшняя заморочка чисто наш профиль. Тут заранее не готовились и на бандитские разборки это не похоже. Девки этой работа. Сильная бабенка, так рубануть...

– Нож нашли?

– Нет, не было ножа. Кухонные есть, но они как лежали в столе, так и лежат. Еще вопросы будут? Если нет, я отваливаю. Хочу провести остаток дня в безделье и праздности.

– Вали. И в последний раз предупреждаю – будешь варить сосиски в самоваре, ты покойник. А я врубиться все не могу – не чай, а сплошная отрыжка.

– Пускай Гончар плитку вернет. И собственно, чем ты недоволен? Чай наваристый, как борщ. Добавляй сметану и лопай.

Таничев вылез из-за стола.

– Володь, сгоняем на место. Сами посмотрим для ясности, с соседями потолкуем. Мокруха, конечно, раскрываемая, судя по обстоятельствам. Не заказная. Но девочку еще установить надо.

– И расколоть, – напомнил Казанова.

– Сначала выловить. Улик тут хватит, расколем. Обидно, если она совсем левая. Тогда зависнуть может. Самые поганые варианты – все ясно, а зависает.

Белкин раскрыл блокнот Медведева:

– Петрович, сгоняй один. Я блокнотиком займусь. Это важнее. Что я, мертвых рекламных агентов не видел? Да у меня и людишки, кстати, вызваны. Вот-вот будут.

– Хорошо, оставайся. В РУОП позвони. Таничев оделся и вместе с уже одетым Казанцевым вышел на улицу.

Машины все прибывали и прибывали. Некоторые в сопровождении милицейского транспорта. Это, конечно, не было вызвано соображениями безопасности. Это было вызвано соображениями дешевой рекламы. Одно дело – когда тебя сопровождают быки или частные охранники, другое – когда менты. Менты, может, и уступают в боевой подготовке профессионалам охранных фирм, но они власть. А когда власть у тебя на службе, это приятно и греет душу.

Синие милицейские “Жигули” были единственным представителем отечественного автомобилестроения на сегодняшнем параде. Милиционеры не прятали стеснительно лицо, как раньше, когда охранный халтура только появилась, – теперь они работали официально, по договору. Стесняться надо тем, кто по два – по три месяца не платит грошовую зарплату.

“Форды” и “мерседесы”, “вольво” и “гойоты”, сворачивая с шоссе, узким ручейком текли к большой, заранее расчищенной от снега площадке и постепенно заполняли ее своими лакированно-никелированными телами. Площадки оказалось мало, часть машин выстроилась вдоль обочины.

Работники кладбища привыкли к подобным похоронным процессиям, бандитские войны без перерыва поставляли им клиентуру, так что умереть с голоду кладбищенские не боялись. Тем более, кладбище было доступно не каждому покойнику. Сюда попадали только почетные граждане. В полированных, инкрустированных дубовых гробах с окошечками, дверцами и позолоченными ручками.

Вторая парковочная площадка предназначалась для машин посетителей, она была также очищена, только габаритами значительно уступала основной. Сегодня она тоже оказалась заполненной до отказа. Выходной день.

Процедура еще не началась. Транспорт с покойным и процессия прибыли немного раньше запланированного времени, могила оказалась еще неготовой, и сейчас землекопы вдохновенно махали лопатами, выбирая из ямы промерзшую землю.

Водители не глушили двигатели, а прибывшие проводить в последний путь Виктора Михайловича Медведева не покидали теплых салонов, предпочитая их Уют свистящему ноябрьскому ветру. Впрочем, печальный повод сегодняшнего действия не мешал громкому гоготу, время от времени вырывавшемуся из глоток особо “сочувствующих”, а во многих тачках басили мощные акустические системы, выдавая попсу коммерческих станций.

В припаркованном у металлического поребрика темно-зеленом “БМВ” анекдотов не травили и музыки не слушали.

Сидящий на переднем сиденье Александр Михайлович Зелинский наблюдал за прибывающими на похороны машинами и, казалось, абсолютно не слышал разговора еще двух пассажиров машины. Разговор между тем протекал далеко не мирно и больше походил на склоку старых соседей, нежели на общение объединенных общим горем друзей.

– Да что за базар. Спикер? Не мечи икру. Прокололся, так и скажи. Что ты на других-то перекладываешь? Я-то тут при чем?

– Сережа, не надо наезжать. Я все, что мог, сделал, даже больше. Это ты меня торопишь вечно – быстрее, быстрее...

– Так, с каждого по сотне баксов штрафа за употребление жаргонных выражений, – на секунду зацепив взглядом спорящих, процедил Зелинский. – С тебя, Сережа, за “базар”, а со Спикера за “наезжать”. Отвыкать надо. Скоро у нас будут интервью брать. Мы должны быть культурными людьми, в натуре. Попрошу деньги.

– Да, Александр Михайлович, извините. Конечно. Сидящий за рулем Сергей распахнул “лопатник” и положил на “торпеду” сотенную. Спикер тоже достал деньги.

– Передайте, пожалуйста.

Расставшись с сотней, Сергей снова обернулся назад.

– Тогда поясни, как получилось? Где кассета, уважаемый?

– Ну, клянусь, не брал! Что я, не понимаю? Зачем мне это надо, Сережа?! Вы сами виноваты, что с Шерифом связались. В конце концов, если б я и захотел вам дерьма подложить, так про кассету и не заикался бы. Так нет, рассказал. А теперь еще и крайний. Спасибо, Сережа.

– Не тарахти.

Зелинский постучал по “торпедке”.

– Извини, Шура, вырвалось, больше не буду. Так вот. Спикер, про кассету мы бы все равно узнали. Так что Штирлица из себя не строй. А твоя история с девицей тянет на второсортный “дюдик”, но никак не на серьезный базар. Белые нитки так и прут. Какая, однако, интересная барышня – взяла именно то, что нужно. Как знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.